

**РУССКИЕ В ФИНЛЯНДИИ В 1918 – 1919 ГГ.
ЗАПИСКА СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Г. Е. ДИХТА¹ О
ПОЛОЖЕНИИ
РУССКИХ В ФИНЛЯНДИИ**

Предоставление Советским правительством независимости Великому княжеству Финляндскому привело к тому, что проживавшие на его территории граждане Российской республики в одночасье очутились за границей. В основном это были офицеры частей армии и флота дислоцировавшихся на её территории. Превращение недавних подданных Российской империи в эмигрантов в своём большинстве не знавших языка и культуры нового государства да и откровенно презрительно относившихся к чужинам, не могло пройти безболезненно.

Публикуемая Записка старшего лейтенанта Г. Е. Дихта, поданная военно-морскому агенту в Швеции и Норвегии капитану 1-го ранга В. А. Сташевскому², охватывает период от начала 1918 г. и до 15 февраля 1919 г., когда работа над ней была закончена. Свои впечатления от виденного и пережитого в Финляндии Дихт оформил в виде отчёта, во время пребывания в Стокгольме, по просьбе Сташевского, который хотел ознакомиться с положением русских офицеров в Финляндии. По-видимому, представленный текст показался военно-морскому агенту настолько интересным, что 3 апреля 1919 г. он счёл нужным отправить его, в качестве приложения к своему рапорту, в Омск, Морскому министру, для ознакомления.

Записка Г. Е. Дихта хранится в РГА ВМФ Ф.Р. - 1722. Оп. 1. Д. 65 Л. 52а – 68. Частично её опубликовал А. Ю. Емелин в комментариях к дневнику адмирала В. К. Пилкина³. Её текст напечатан на машинке и вычитан Дихтом, о чём свидетельствует правка текста чёрными чернилами. На последней странице стоит автограф автора.

Археографическая подготовка текста записки к изданию проведена в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). В публикуемом тексте сохранены стилистиче-

ские и языковые особенности изложения. Сокращения и недописанные и пропущенные слова восстановлены в квадратных скобках.

О современном положении Финляндии

Милостивый государь Владимир Арсеньевич⁴, ввиду высказанного Вами пожелания ознакомиться с действительным в данное время положением в Финляндии русских офицеров я, пользуясь своим временным пребыванием в Стокгольме, постараюсь в кратком очерке изложить Вам события, имевшие место за последнее время в Финляндии и, как прямое их следствие, создавшиеся там условия жизни, в которых оказалось всё тамошнее русское население вообще, а офицерство в частности.

Для того, чтобы более полно представить Вам нынешнюю политическую конъюнктуру я должен несколько остановиться на предшествующих событиях, т[о] е[сть] начать свое описание с того периода времени, когда в Финляндии ещё господствовали русские совместно с красными, а затем и последующее время владычества в ней немцев и белых⁵.

Наблюдение за настроением местного финского общества мне было тем более доступно, что я, [благодаря] моим обширным знакомствам, находился в тесном с ним прикосновении. Еще со времени начала революции я к своему удивлению и чувству полного удовлетворения замечал, как отношение местного общества, как к русской интеллигенции, так, главным образом, к нашему офицерству стало принимать более благожелательный характер. Это конечно объяснялось тем чувством сострадания, которое было вызвано у финнов под живым впечатлением зверского истребления офицеров, имевшего место во время революции в Гельсингфорсе и в Выборге⁶, также и последующие события в России сыграли в этом отношении не малую роль. Впоследствии, вспыхнувшая также и в Финляндии междоусобная война ещё более сблизила эти чуждые до сих пор друг другу общества и казалось, одно время, объединила их в общем стремлении оказать противодействие грубому пролетарскому насилию.

Как известно активная борьба между белыми и красными велась только на севере Финляндии, малочисленность и слабость белогвардейских организаций в южной Финляндии заставила последние перейти к работе подпольной, заключающейся в подготовке вооружённого выступления при более благоприятных обстоятельствах. Не говоря уже о симпатиях

русского интеллигентного населения к белогвардейцам, некоторая часть русского офицерства приняла деятельное участие в этой работе, добывая белогвардейской организации снаряжение и оружие, а в некоторых случаях и пулемёты; несколько человек офицеров, кроме того, вошли в неё даже действительными членами. Между прочим, мне совершенно достоверно известны те ценные услуги, которые оказали финнам в частности морские офицеры в деле увода ледоколов «Вольнец», «Тармо» и яхты «Эллекен».

Так как работа велась подпольная, то естественно – деятельность наших офицеров была скрыта от общего внимания, да и к тому же офицеры, за исключением небольшого числа, действительных членов белогвардейских организаций, и не пытались играть по тем или другим соображениям активную роль, предоставляя подвести окончательные итоги этой междоусобной войне самим же финнам, т[о] е[сть] другими словами являлись лишь их пособниками. Тем более, что эту их деятельность важно было держать в абсолютной тайне ещё и потому, что в подозрительных умах завоевателей революционных свобод всё время реял призрак гидры контрреволюции среди офицеров. Так или иначе, но симпатия, сочувствие и упомянутая деятельность наших офицеров оценивались в то время финнами по их достоинству.

Когда подготовительная работа была завершена роль этих офицеров подходила к концу – ходом развернувшихся событий они естественно были отодвинуты на задний план, а внезапное появление на арене борьбы немцев по обстоятельствам морального свойства и окончательно порывало эти последние связи между офицерами и белыми финскими организациями.

Грандиозность немецких военных операций, разрешивших события на юге Финляндии со стремительной быстротой произвела на финнов настолько сильный эффект, что прошлая скромная деятельность их организаций по сравнению с крупным масштабом немецких операций оставляла впечатление чего то жалкого, ненужного, а соответственно с этим и деятельность их сообщников не заслуживающей благодарного внимания. И действительно, нужно отдать справедливость, что быстрым подавлением красного мятежа в Финляндии, по крайней мере на юге, финны обязаны исключительно немцам; не подлежит так же сомнению и то, что их выступление дало возможность и северной армии генерала Маннергейма⁷ в очень короткое после этого время окончательно ликвидировать восстание, чего исключительно своими средствами финны, если в кон-

це концов и добились бы тех же результатов, то, конечно, в значительно больший срок.

Настроение этой армии было всё же далеко не в пользу немцев, т[ак] к[ак] последние, вырвав из рук финнов пальму первенства, своими реальными и быстрыми результатами затмевали ореол славы молодой финской армии, которым она вполне заслужена была окружена. Создание её преимущественно из контингента крестьян, быстрое её развитие и приведение в боевую готовность, а так же её удачные действия в войне с превосходящим численностью и прекрасно вооружённым противником, среди которого находились, к стыду заметить руководители – русские офицеры⁸, вызывали у всех в Финляндии чувство искреннего восторга и восхищения, как ею, так и по адресу её создателя генерала Маннергейма.

В этой армии или, вернее сказать, среди командного и офицерского состава её, было ещё ранее появления немцев до некоторой степени антигерманское направление и, когда армия находилась в самом зачаточном состоянии, нуждаясь так сказать, в основном ядре, вынуждены были привлечь финских егерей, приехавших с этой целью с германского фронта⁹. В выполнении этого не малое значение сыграло и определённое требование ваазсакого белого правительства¹⁰. Прибывшие из Германии егеря заняли в молодой финской армии первенствующее положение, оспаривая его у офицеров, служивших раньше в финских войсках, а также у офицеров, вышедших за последнее время из русской армии - элемента, так сказать, не германфильского. Антагонизм и между этими двумя лагерями объяснялся и совершенно противоположной ориентацией их: так например, егеря являлись убеждёнными противниками всего русского, тогда как другие питали враждебное чувство лишь к определённой категории русских, а именно: к русским солдатам и матросам т[о] е[сть] к элементу большевистскому. Финские солдатские массы, проникнуты ещё ранее чувством национальной вражды к русским, к[отор]ое теперь ещё более разжигалось тем обстоятельством, что русские поддерживали их нынешних врагов, конечно, скорее усваивали точку зрения первых т[о] е[сть] егерей. Впоследствии, когда положение егерей, благодаря их значению в армии в силу их многочисленности их и несомненных заслуг, которые они имели за собою, как искусные и храбрые воины, а также и по другим причинам, окрепло – они повели довольно удачную кампанию против своих коллег и, поддерживаемые немецкими тенденциями в стране, добились того, что многие офицеры другого направления ушли со службы из армии. Уход генерала Маннергейма, правда, имел за собою

основания более сложного порядка, но одним из факторов этого были безусловно немецкие тенденции, а в связи с этим и интрига егерей, которые проводили тот взгляд, что при нынешней политической обстановке во главе армии должно стоять лицо, которое своей деятельностью и прошлым не оставляло бы никаких сомнений в области своих отношений к России, явно намекая на то, что Маннергейм был генералом русской службы.

При таких обстоятельствах немцы совместно с финнами подавили восстание красных и положили начало, так называемому, белому террору, о котором одно время так сильно кричала заграничная социалистическая печать¹¹. Террор этот заключался лишь в том, что финны со свойственной им грубостью и бессердечием расправлялись со своими противниками, когда те уже были совершенно обезврежены и сдались на милость победителя. В этом особенно сказалась характерная финская черта жестокосердие и жажда мщения, т[ак] к[ак] отношение к своим пленным соотечественникам, хотя бы и сугубым преступникам, переходившим по понятиям цивилизованных людей всякие границы бесчеловечности, могло быть продиктовано этим ненасытным чувством мести.

В концентрационных лагерях пленные содержались при самых ужасных условиях: кормили их, при продовольственном кризисе в стране, естественно, впроголодь, а потому % [процент – А. С.] смертности среди пленных был громадный. Мне, жившему летом 18 года [1918г. – А. С.] бок о бок с концентрационным лагерем в Экенесе приходилось быть свидетелем весьма прискорбных картин, но, это, собственно говоря, не является темой моего повествования, а потому я перейду теперь к описанию отношений финнов в этот период времени к русским.

Нечего и говорить, что финны, приписывая вполне справедливо успех своих противников содействию русских большевиков, расправлялись с русскими участниками этой войны вполне определённо: их расстреливали непосредственно после взятия в плен; конечно, ни о каком расследовании и суде на фронте в разгар войны и в силу очевидности их преступления не могло быть и речи. Особенно педантичны они были в отношении захваченных на фронте русских офицеров, относительно которых было, как говорят, вполне определённое в этом смысле распоряжение высших военных властей. Попавших в плен и уцелевших русских солдат, преимущественно из городов на севере Финляндии, нужно отнести к тому периоду, когда финской армии, как таковой, ещё не существовало, а отдельно оперировавшие там охранные отряды (skyddskaren) были ещё настолько

слабы, что наряду с активной борьбой они прибегали к приёмам парламентским, результатом чего было то, что гарнизоны русских солдат добровольно сдавались в плен, отдавая им своё оружие. Кроме того, пленение русских солдат наблюдалось ещё и во время боёв под Гельсингфорсом, где в качестве их противников выступали исключительно немцы, лишь подкреплённые отдельными отрядами финских белогвардейцев, ещё не закалённых в жестокостях междоусобной войны.

Благодаря тому антирусскому настроению, которое царило в финской армии их крутая расправа распространялась не только на участников войны на стороне красных, но и на мирное русское население; так, например, при взятии Выборга было при самых возмутительных обстоятельствах расстреляно много ни в чём не повинных русских. Жертвами их кары пало даже несколько офицеров, наделившие белогвардейские организации оружием, в числе прочих, два малолетних кадета и один врач, оказывавший помощь раненым на улицах; этот врач был расстрелян белогвардейскими солдатами только потому, что оказался русским. Боюсь назвать точную цифру расстрелянных таким образом в Выборге русских, но в рассказах частных лиц она доходит до 400 (?) и даже до 600. Вести об этой дикой бойне дошли до сведения генерала Маннергейма, и он приказал по этому поводу произвести расследование, но вскоре, после его вынужденного ухода, дело это было замято, а финское общественное мнение в этих убийствах склонно было видеть только естественный выход накипевших чувств негодования у финских солдат по отношению к русским, которые «сделали так много вреда Финляндии». Некоторые участники войны из шведской бригады рассказывали мне лично о том, как в Таммерфорсе, после водворения порядка, белыми на улице были захвачены несколько человек «в русских офицерских костюмах» и расстреляны¹². Надо полагать, что как в том, так и в другом случае, вряд ли имело место выполнение каких-либо определённых распоряжений финских военных властей, а просто самочинное выступление финских солдат, продиктованное чувством ненависти и жажды мести русским. Во всяком случае факт остаётся фактом.

Теперь нужно сказать об отношении к оставшемуся в то время в Финляндии русскому населению со стороны новых административных властей. Как я уже упоминал выше, всё русское население с таким же вниманием следило за ходом военных событий в Финляндии, как и финское, с нетерпением ожидая наступления времени «белых», с которым оно связывало надежду на большую определённость в будущем, на возможность

жить не под постоянным трепетом ареста и прочих страхов, неразрывно связанных с господством черни, хотя нужно заметить, что русское население во времена «красных» не испытывало таких неудобств и притеснений, которым подвергалось местное финское население. Отношение красных к русским было весьма предупредительное, по-видимому, благодаря тому альянсу, который поддерживался в то время между двумя «дружественными странами», объединённых общностью социальных стремлений. Но если русское общество, в силу своей терпимости ко всяким явлениям при условии сохранения им жизненных удобств, и не особенно тяготилось красным режимом, то всё же неуверенность в будущем, далеко не симпатизирующие чувства к установившемуся в стране коммунистическому укладу жизни заставляли его желать возвращения к прежнему, что связывалось в представлении общества с приходом «белых». Желание это увеличивалось ещё теми соображениями, что жизнь в советской России никому не улыбалась и, таким образом, у всех оставалось одно решение: остаться на жительство в Финляндии, тем более, что в силу требований высадившихся в Финляндии немцев весь «демократический» элемент русского населения с армией и флотом [не] должен был покинуть пределы этой страны. Таким образом, не испытывая неудобств переселения, русские, как бы автоматически, становились эмигрантами. Кто в наше время не соблазнится всеми выгодами подобного положения!

Вопрос существования? – При том отношении, на которое рассчитывало, со стороны финнов, оставшееся русское население, судя по приведённым выше соображениям, все вопросы будущего существования разрешались им чрезвычайно просто. Некоторые, располагая кой- какими сбережениями над этим особенно и не задумывались, а люди без всяких средств питали твёрдую уверенность в том, что при будущем режиме интеллигентные силы найдут себе труд и заработок в стране. Оставшееся в большом числе офицерство воодушевлялось теми предположениями, доходившими порой до уверенности, что финны не ограничатся изгнанием большевиков из Финляндии, а предпримут и дальнейшие действия против них, для чего привлекут к участию русское офицерство, которое с радостью было готово предложить свои услуги для такой деятельности, Немного было пессимистов, которые не ожидали для себя добра ни от финнов, ни от немцев.

Если в последние дни господства красных среди русского населения и наблюдалась некоторая нервозность, то всё же оно одинаково с финнами легко вздохнуло и искренне возликовало смене режима, испытывая разве

некоторое чувство моральной неловкости и опасения при мысли о том, что на сцене развернувшихся событий играли главную роль немцы, к которым под влиянием позорного и неопределённого конца войны оставалось ещё некоторое чувство неприязни и страха. Но и здесь скоро находили себе утешение в том, что встреча эта происходит на нейтральной почве, так что немцы вряд ли позволили бы себе какие-либо враждебные или некорректные выступления в отношении своего вчерашнего противника. Предположения эти вполне оправдались, [т]ак к[ак] немцы в течении своего пребывания в Финляндии, являясь фактическими хозяевами страны, в вопросах внутреннего управления, по крайней мере, где это не имело касательства к их непосредственным интересам, не проявляли никакого вмешательства. С момента своего появления в Финляндии они предъявили русскому военному командованию требования выполнить условия Брестского договора, т[о] е[сть] вывести из Финляндии сухопутные силы и военные корабли, да и то с некоторыми облегчающими оговорками, а после занятия Гельсингфорса предложили русскому населению, как и прочим иностранным подданным, зарегистрироваться. Даже наоборот, впоследствии, когда финны в дерзком увлечении регистрацией своей «военной добычи» стали захватывать военные корабли, оставшиеся в Гельсингфорсе с соблюдением всех пунктов немецкого ультиматума и даже частные русские пароходы и творить прочие незаконные вещи - адмирал Зеленый¹³, оставшийся в силу того же ультиматума морским начальником для ликвидации русских дел неоднократно обращался с протестом к немецким властям и, благодаря их, правда, далеко не энергичному вмешательству, всё же удалось некоторые спорные вопросы разрешить, если не к полному удовлетворению наших интересов, то во всяком случае умерять наглое поведение финских властей. Затем по уходе немецкого адмирала Мейера адмирал Зеленый лишился и этой заручки.

Таким образом, весьма несправедливым преследованиям, безжалостным изгнанием из страны ни в чём не повинных людей, зачастую оказывавшими финнам несомненные услуги в борьбе с восставшими, русское население обязано исключительно финнам с увлечением схватившимся за безнаказанную возможность излить на русских свое чувство ненависти и национальной вражды, воспитанные долгими годами нашей политики в лице ненавистных им Столыпина,¹⁴ Бобрикова,¹⁵ Зейна¹⁶ и пр[очих].

После первых же дней водворения «белых» Ньюландским губернатором подполковником Яландером¹⁷ было опубликовано распоряжение, в котором требовалось всем русским подданным, за исключением укра-

инцев и поляков в определённый срок покинуть пределы Финляндии¹⁸. Не исполнившим этого требования грозило тюремное заключение и насильственное выселение из страны. Исключение из этого допускалось лицам, получившим особое разрешение от губернатора. Поставленные эти распоряжением в чрезвычайно тяжёлое положение, многие русские пустились на разные ухищрения, дабы получить документы от подлежащих учреждений о принадлежности их к украинской или польской национальности, или за этой невозможностью, выхлопывали себе, далеко не одинаково успешно, ценою унижительных выклянчиваний разрешение у губернатора на право отсрочки выезда для ликвидации своих дел. Отсрочки эти давались в большинстве случаев на очень непродолжительное время, порой даже до смехотворного, а не устаивавшиеся этой милости буквально выбрасывались из страны. Я уже не говорю о том, что многие из семей, всё состояние которых заключалось в квартирной обстановке и прочем скарбе, должны были всё бросать на произвол судьбы или в лучшем случае, если они управлялись к сроку, продавать её за бесценок. Квартирохозяева, подбодренные поведением финских властей, зачастую нагло требовали немедленного освобождения квартир. Контракты не имели уже значения, т[ак] к[ак] потерпевшие не находили себе поддержки ни со стороны закона, ни со стороны властей; в случае протеста с их стороны они просто напросто выселялись из страны, как политически неблагонадёжные, невзирая даже на уже полученное разрешение губернатора. Многие из русских уже в самом начале этого времени были арестованы и посажены в тюрьму по обвинению в содействии красным и каждый в любой момент мог ожидать ареста по простому непроверенному доносу, что он «большевик». И вся эта вакханалия шла при непрестанной травле местной печати, которая обливала и обливает до сих пор русских ушатами грязи, а русское население металось в панике, приходя в ужас от одной мысли ехать в Россию, где их ожидала весьма печальная участь. Да и никто не скрывал своего страха перед будущим в России, т[ак] к[ак] среди заблаговременно удиравших от немцев солдат и матросов, а также на уходивших в Россию кораблях было твёрдо установившееся мнение в том, что оставшееся в Финляндии русское население - «белогвардейцы», продавшие Финляндию и русский флот немцам. Это мнение нашло живое отражение в процессе капитана I ранга Щастного, казнённого в Москве¹⁹.

Вот при таких обстоятельствах, обманутое в своих надеждах и выгоняемое из страны, выезжало русское население из Гельсингфорса в ужасных условиях, на каких-то жалких, грязных, чрезмерно переполненных русских пароходах «Ильза» и «Гогланд» (транспорт «Рига» всего лишь два раза перевозил Эмигрантов). Иногда вместе с пленными, сопровождаемое торжествующим улюлюканьем местной печати и надменным отношением чинов финской администрации, в чём не трудно было прочесть плохо скрываемое ими злорадство над своим «вековым угнетателем». Беззастенчивость их доходила до того, что ими было разрешено отъезжающим русским брать с собою продукты всего лишь на три дня, причём остальное отнималось при осмотре вещей и, надо полагать, рассматривалось как «военная добыча».

Острое чувство боли и обиды переполняло в то время не одно русское сердце, а те из русских, которые оказывали финнам те или иные услуги в их «освободительной войне» не раз проклинали своё досадное усердие, видя теперь на деле доказательство финской благодарности.

В результате этого выселения остаток русского населения в Ньюландской губернии летом [19]18 года исчислялся в 1200 человек; в эту цифру, конечно, не входили самоопределившиеся украинцы и поляки. Надо полагать, что подобное предупредительное отношение к подданным этих новых государств, кстати сказать, в большинстве случаев продолжавших себя нравственно считать теми же русскими гражданами, объяснялось исключительно добрыми реляциями, которые существовали между немцами и этими государствами. Впоследствии, при вторичной регистрации «подданных бывшей Российской империи» этот род иностранцев подобными привилегиями, по сравнению с русскими, уже не пользовался.

Эти 1200 человек русских, оставленные до поры до времени «в исключение прочим», милостивым разрешением губернатора, всё же жили под постоянным опасением необходимости выезда из Финляндии, т[ак] к[ак] в дальнейшем пребывании их после 1 – 2 – 3 месячной отсрочки могло быть и отказано. Продовольственных карточек русскому населению, сперва, выдано не было. Это обстоятельство, конечно, позволило местной печати бросить упреки русскому населению в том, что оно «посредством тайной покупки продуктов увеличивает спекуляцию и всё более запутывает продовольственный вопрос страны». Впоследствии, приблизительно в августе м[еся]це подлежащая [предержавшие – А.С.] власти наконец поняли всю несуразность этого стеснения, и объедающее жалкое число русских тоже было наделено продовольственными карточками.

Тем временем агентами сысского отделения велась самая усердная и неустанная слежка за русским; аресты и заключение в тюрьму отдельных лиц было, можно сказать, явлением заурядным. Мне, например, благодаря знакомствам среди финнов, удалось своими хлопотами добиться освобождения одного офицера, просидевшего в заключении в г[ороде] Мариехамне в течении I ½ месяцев в подвальном помещении гостиницы вместе с финскими красногвардейцами. Он был арестован в чужом городе во время своей поездки по чьему-то доносу в полицию, что он - большевик. С не меньшею простотою и лёгкостью, в конце концов, и я сам в сентябре м[еся]це был арестован по высказанному, одним присяжным поверенным, подозрению, что я - «русский шпион», а после моего задержания вина моя усугубилась ещё тем, что я не был в состоянии представить своих документов, находившихся в то время в канцелярии губернатора для выполнения требуемых финскими властями формальностей. Все мои протесты, объяснения и просьбы навести справки или дать мне возможность самому пройти к губернатору не привели ни к чему, и меня перевели в заключение в губернскую тюрьму в г[ороде] Гельсингфорсе, откуда я, после 4 ½ дневной, в знак протеста, абсолютной голодовки был выпущен лично губернатором на свободу, и то только благодаря моему знакомству с полицмейстером г[орода] Гельсингфорса, который при всём своём крайне отрицательном отношении к русским, не взирая на то, что недавно ещё сам был русским офицером и обязан своею жизнью русской семье, скрывшей его у себя за всё время возмущения в стране, нашёл возможным поручиться за мою политическую благонадёжность и повлиять на моё освобождение.

Я не буду говорить о том обращении, которое я встретил как со стороны административных лиц, так и со стороны тюремщиков, но, чтобы охарактеризовать тюремный режим по отношению к таким преступникам, как я, установленный финскими законными, так сказать, цивилизованными властями, я замечу, что такого грубого обращения я не видел даже со стороны выборных представителей русской черни, которая держала меня в заключении около 5-ти месяцев. Первое время, ещё под живым впечатлением случившегося я чувствовал себя глубоко оскорблённым этим грубым надо мной насилием, возможным или в совершенно нецивилизованном государстве, или в стране с царящем в ней господством дикой черни; теперь же, после всего виденного и слышанного в этом же роде в Финляндии, это моё чувство потеряло всю остроту обиды, чтобы дальше останавливаться на этом факте.

Выдающимся по своему хамству и издевательствам над личной свободой иностранного подданного в этой цивилизованной стране является факт содержания под арестом нашего «уполномоченного представителя» К. Е. Кованько, возможно и имевшего в своём официальном положении, как представителя фактического бывшего глубоко порядочным человеком и не носившем в своей «дипломатической деятельности» какой-либо политической окраски²⁰. Память о нём и его отношении к обездоленному русскому населению, которому он всячески старался помочь при своём чрезвычайно тяжёлом положении надолго сохранится в благодарных сердцах россиян. Финны в конце концов постановили выслать его в Россию, но только внезапная болезнь и смерть Кованько почти в самом заключении помешало им привести в исполнение это последнее над ним и всеми русскими издевательство.

После описываемого тяжёлого для русского населения периода осенью прошлого года наступили, как казалось, несколько лучшие времена, а именно, как я уже писал выше, русскому населению были выданы продовольственные карточки; газеты, по-видимому, утомлённые избитой темой, непрерывной травли русских, заговорили в более примирительном тоне; так, например, констатировав лояльность находившегося в Финляндии части русского населения, пребывание которого в стране «не угрожало общественному порядку Финляндии», местная печать как бы одобряла решение властей оставить этот благонадёжный элемент в стране и находила справедливым и своевременным наделение русского населения продовольственными карточками. От поры до времени появлялись на столбцах газет даже сочувственные заметки по адресу интеллигенции в России, подвергавшейся всем ужасам красного террора; губернские административные власти как будто не с прежнею скупостью давали согласие на ходатайства русских об отсрочках и т[ому] п[одобное]. Одним словом, казалось, что какая-то непонятная причина стала действовать в пользу смягчения сурового режима. Приободрившееся русское население стало объединяться в русскую колонию, а её орган под редакцией профессора Арабажина даже переменял свой подавленный тон на более льстивый по-видимому, зондируя почву для примирения с местной печатью²¹.

Времена мало по малу переменялись настолько, что в Гельсингфорсе стали появляться первые беженцы из Петрограда. Вскоре число их постепенно стало увеличиваться, а впоследствии эти несчастные беглецы уже

«неудержимым потоком стали заливать Выборгскую и Нюландскую губернии», как писала одна из финских газет.

Трудно сказать, психологическая ли связь между «частным визитом» генерала Маннергейма в западные страны и приёмом беженцев, или какая либо другая причина, но, во всяком случае, какое то непонятное обстоятельство вдруг пробудило у финнов чувство великодушного сострадания к русским и заставило их открыть свои объятия жертвам большевистского террора²².

Бремя «человеколюбия и гостеприимства», - лозунги финского благодетения по отношению к русским беженцам, вскоре однако оказались финнам не по плечу и не по вкусу. Та же печать одно время с некоторым удовлетворением отмечавшая высокие мотивы человечности, руководившие финскими властями в приёме русских интеллигентных беженцев мало по малу переменила свой тон. Сначала «русские беженцы стали становиться в тягость», благодаря, по-видимому, тем заботам, которые они своим наплывом причиняли нынешним своим благодетелям, затем появились опасения, что «с русскими беженцами возможно проникновение в страну большевистского элемента». Не говоря уже о том «что массовый наплыв русских влечёт за собою продовольственный кризис в стране, где уже и без того царит недостаток в съестных припасах», «назойливое же стремление русских селиться именно Гельсингфорсе вызывает здесь жилищный кризис», наконец «нахальное поведение русских на улицах Гельсингфорса, появление офицеров в их прежней форме начинает поселять в наших общественных кругах тревогу за будущность Финляндии», и в довершении всего орган шведской партии «*Huvadstadsbladet*», отражающий мнение широких кругов финского общества и даже взгляды правящих сфер раздражается 28 декабря [19]18 года следующей откровенной статьёй: «... Наша страна в данный момент, по своему политическому и экономическому положению, не может быть рассматриваема, как убежище для всех желающих покинуть Россию. Кроме того не может быть вопроса о том, чтобы прямые враги нашего общества и его свободы получили здесь защиту и кров. Мы не должны забывать, что не только большевики собираются заново «покорить» Финляндию, В широких кругах русской буржуазии живёт ещё душа Столыпина и третьей Думы и в их взглядах на самостоятельность Финляндии нельзя сомневаться. У нас нет никакого повода давать приют представителям этих кругов России, в особенности если они не понимают как им себя должно вести».

Другая газета «*Unden Suomen Jltolehti*» советует всех русских беженцев способных носить оружие мобилизовать и отправить в Эстонию сражаться с большевиками. Не желающих же подчиниться этой мере рекомендуется отправить обратно за Сестру-реку. Характерны и дальнейшие рассуждения автора. Ещё со шведом можно было бы разделить «последний кусок хлеба, но когда речь идёт о представителях прежнего бюрократического военного и коммерческого мира России о единомышленниках Зейнов, Бобриковых, Мандельштамов, то не один финляндец- патриот не пожелает сослаться на долг благодарности к упомянутым кругам... Крайне легкомысленно и кроме того унижительно давать право на жительство надменно угрожающему нам врагу, который открыто поносит финляндцев, безразлично имеет ли он на то повод или нет, и угрожает пробуждением «русского медведя». В этом случае не приходится сомневаться, что означают эти слова в устах русского... Те бумажные рубли, которые русские, евреи и др[угие] привозят в страну не могут возместить тех материальных и нравственных убытков, которые приносит нам пребывание здесь подобного элемента».

Мало по малу под влиянием этой возобновившейся газетной травли и финские власти изменили своё казавшееся доброжелательное отношение к русским. Ими был принят ряд мер, имевших целью заставить русских эмигрантов выехать из Гельсингфорса; так например, полицмейстер гор[ода] Гельсингфорса в первый день Рождества [1918 г. – А. С.] отдал распоряжение в 3-х дневный срок выселить 75% русских подданных из гостиниц и комнат для приезжающих. Впоследствии, эта мера была приостановлена, т[ак] к[ак] много русских семей, благодаря этому, должны были буквально оказаться на улице. Отмена этого распоряжения была объяснена тем, что властями уже разбирается вопрос о более радикальных мерах по выселению русских беженцев из Гельсингфорса. Такой поворот в их сострадательной политике тем более вызывал справедливое недоумение, что русским беженцам, после известного срока пребывания в карантине на границе Финляндии, предоставлялась возможность проехать в глубь страны без каких либо указаний на определённые места жительства. Состоятельные беженцы, которых было весьма не мало, расположились на жительство в лучших отелях Гельсингфорса и Выборга, имея полную возможность проводить время своего вынужденного изгнания в довольстве и развлечениях, которые им могла обещать жизнь в этих городах. Другая категория этих несчастных людей, лишённая всяких средств, потянулась то же туда по тем простым соображениям, что ско-

рее всего в этих городах они могли рассчитывать на какой-нибудь заработок или, в крайнем случае, на поддержку со стороны своих соотечественников, тогда как жизнь в глухих провинциальных местах, среди чужих им людей и к тому же без денег не обещала этих перспектив, а потому и пугала их. Вот таким образом произошло скопление русских беженцев в Гельсингфорсе и Выборге.

Последствия этой, как видно, нераспорядительности финских властей горько отозвались на русском населении и чувствительнее всего, конечно, на несостоятельных беженцах, т[ак] к[ак] многие из них, главным образом, из оставшихся там ещё с весны по находили себе кой-какой случайный заработок и, благодаря этому, с грехом пополам влачили своё жалкое существование.

Продажа оставшихся драгоценных вещей, квартирной обстановки и платья - было всё же одним из главных видов их средств к жизни. Мне известен случай, когда один из морских офицеров, распродав всё своё имущество до самого необходимого, дошёл до такого состояния бедности, что в течении двух дней не имел средств прокормить ни себя, ни своей жены, и оба с удивительным стоицизмом перетерпели этот двухдневный голод, пока снова не изыскали случайных средств. А сколько возможно было таких, которых я и не имел удовольствия знать лично.

Правда наряду с этим, как я уже упоминал, наши состоятельные «беженцы», не малая доля которых приходилась на евреев, перейдя границу со всеми возможными по тому времени удобствами и безопасностью, вели весёлую и беззаботную жизнь в роскошных отелях и ресторанах, и этим своим бестактным поведением, естественно, вызывали негодование, как у финского населения, так и справедливое осуждение самих русских, с тою только разницей, что в порыве раздражения против русских финское общественное мнение обрушивалось на всех наших эмигрантов, не замечая или, вернее, не желая замечать сотни тех страдальцев-беженцев, которые в силу своего материального положения переживали дни страшной тревоги за свою участь [и] испытывали в своём огромном большинстве неисчислимы бедствия, терпели нужду, холод и голод и морально были угнетены, благодаря травле со стороны печати, буквально изо дня в день трактовавшей о своём «*uppoffrande gastfrihet*» (жертвенное гостеприимство) и попрекавшей русских тем куском хлеба, которым финны были вынуждены делиться с пришельцами.

Спрашивается, почему бы сразу не отказать в этой тяжёлой жертве и не закрыть границу для русских беженцев, как это было сделано впо-

следствии? Некоторый ответ на это даёт приводимое ниже объяснение премьер министра в заседании Сейма.

Выработанные к выселению русских эмигрантов меры, которые были приняты финскими властями и в угоду общественному мнению, и с целью исправить свою собственную оплошность, заключались, по крайней мере в Нюландской губернии, в том, что все «подданные бывшей Российской Империи» как гласило объявление губернатора от 9 января [19]19 года, «как то: русские, эстонцы и др[угие] жители Прибалтийского края, латыши (на этот раз уже и) поляки, украинцы, евреи и пр[очие]» должны были к 15 января подать в полицию заполненные особые бланки-прошения, по просмотре которых особой комиссией о каждом эмигранте и его семье, если таковая имелаась, решался вопрос дальнейшего его пребывания в пределах Финляндии, в зависимости от заявленных им о себе сведений, его материального положения и национального происхождения, так например, лицам различных категорий в назначенный им срок предписывалось выехать: в Норвегию, в другие губернии Финляндии, в провинцию той же Нюландской губернии, или в Эстляндию. К последней категории причислялись те лица, которые имели неосторожность родиться в различных городах Прибалтийского края, хотя по всем другим основаниям, определяющим обычно их принадлежность к той или другой национальности, по происхождению и национальному самосознанию должны были считаться русскими, о чём они вполне мужественно и заявляли в своих листах.

Разрешение на проживание в Гельсингфорсе должно было быть дано, по заявлению губернатора, весьма ограниченному числу лиц, вопрос существования которых связан с пребыванием в Гельсингфорсе. Не зная на это, даже и такие лица выселялись именно в Эстляндию, если по своеобразному разумению финнов были прибалтийцами.

Вообще, надо заметить, что как финская печать, так и власти особенно старались заставить русских, имея главным образом в виду офицеров, выехать в Эстляндию, чтобы в составе эстонских войск принять участие в борьбе с большевиками. Так, например, не угомонявшаяся «*Huvadstadsbladet*» в одной из своих статей, называя русских беженцев бездельниками, легкомысленными прожигателями жизни, беззаботных даже насчёт судеб своей родины, предлагала поставить их на принудительные работы, офицеров же подвергнуть принудительной мобилизации и отправить на эстонский фронт.

В тоже время теснимые большевиками эстляндцы, сознавая своё отчаянное положение, конечно, с радостью встречали у себя всякого, предлагавшего им свои услуги но впоследствии, когда, благодаря энергичному вмешательству финских добровольцев, кстати заметить, хорошо организованных и прелестно вооружённых, положение эстонцев значительно улучшилось, они уже не проявляли столь предупредительную готовность в отношении именно русских добровольцев, которые, ввиду их якобы откровенных национальных устремлений и монархических тенденций, казались им не вполне подходящими. Во всяком случае в эту сторону эстонцы никакого энтузиазма не выказывали, скорее, даже наоборот, в восторженных приёмах своих спасителей финнов, в искренних чувствах которых они не сомневались, в речах общественных деятелей и приветственных газетных статьях они откровенно говорили о значении «совместной борьбы двух родственных племён против их общего векового угнетателя и врага». Такого рода антирусская тенденция, проскальзывавшая довольно ярко, хотя и одной части эстонского населения, конечно, не могла не способствовать появлению энтузиазма у русских людей, склонных было принять участие в этой войне. Да и ещё у всех было свежо в памяти далеко не рыцарское поведение финнов и боязнь испытать на себе вторично ослиные копыта, удерживало русских от общих дружных выступлений. Русскими учитывалась также возможность, в случае удачных операций против большевиков, выступление в Эстляндии чисто антирусских, подобно тому, как это происходило на глазах у всех в Финляндии, и в заключении попасть в такое же жалкое положение беженцев и туенядцев на милости у своих благодетелей, попрекающих гостеприимством и куском хлеба, как это живо испытывалось ими в гостях у финнов.

Вот все эти факторы и были причиной тому, что русское офицерство, за исключением некоторого числа высланных в Эстляндию, да незначительного количества добровольцев, на разыгравшиеся события реагировало довольно вяло.

В виду чрезвычайно интересного и принципиального значения этого вопроса я остановлюсь на нём несколько ниже, теперь же, дабы дополнить картину отношения финнов к русским, я ко всему сказанному добавлю, что 10 января с[e]г[о] года депутатом Алкио²³ был внесён в сейм запрос о русских беженцах, составленный в очень резких выражениях. Здесь я привожу наиболее характерные и сильные части его: «За последнее время в Финляндии опять появилось громадное количество русских. Наблюдение в Выборге общинах карельского перешейка, в Гельсингфор-

се и других местах подтверждают это. В стране появились офицеры в обыкновенной их форме. Передают также, что значительное количество большевиков проникло через границу в страну и скрывается здесь».

«В связи с этим передают, что русские большевики ведут в своих целях энергичную агитацию, буржуазные же русские элементы в различных случаях не только пользуются свойственным им вызывающим языком, но и угрожают Финляндии...».

«...Такая точка зрения должна быть применена ко всем русским без исключения, и к большевикам, и к тем, кто не считает себя принадлежащим к этой партии. Ведь в качестве беженцев сюда прибыло значительное количество также и тех руководящих политических элементов, вся политическая деятельность которых в отношении к Финляндии характеризовалась ненавистью и злобой. У нас ещё нет никаких оснований предполагать, что эти сферы отказались от мысли присоединить Финляндию обратно к России. Напротив, о такого рода планах неоднократно шла речь. В этом следовательно сходятся цели всех русских. И чем больше их останется в Финляндии, тем большей опасности подвергается наша свобода, а, следовательно, каждый русский в Финляндии является опасным для свободы страны врагом, вне зависимости от того большевик он, или принадлежит к буржуазии...».

«Таким образом, принимая опасное положение нашей страны, честь имею предложить надлежющим членам правительства следующий запрос: «Известно ли правительству, что в нашу страну в последнее время проникло значительное количество подозрительных русских, пребывание которых Финляндии является угрозой для нашей безопасности и вместе с тем увеличивает недостаток продовольствия для нашего народа? И если известно, то какие меры оно приняло или предполагает принять для того, чтобы решительно пресечь самовольный приезд сюда русских и выселить уже находящихся здесь?».

Через неделю после этого председатель Государственного совета Лаури Ингман²⁴ давал ответ на запрос и до некоторой степени успокоил возмущённую совесть русских беженцев. В ответе премьер-министр указал на то, что русских пускают сюда «в большинстве случаев по гуманным причинам». Нельзя отказать в пропуске тем, которых ожидает верная смерть со стороны большевиков. Кроме того, надо помнить, «что иное обращение с русскими беженцами, среди которых имеются известные имена России могло бы вредно отразиться на наших отношениях в Европе». Глава правительства далее приводит цифры о здешнем русском насе-

лении, сами за себя говорящие. По этим сведениям в Финляндии вначале этого года было 15457 русских, из которых 2774 в Нюландской губернии и 11120 в Выборгской. «Большинство из них жило в Финляндии до гражданской войны» - добавляет премьер-министр.

Таким образом, из ответа премьер-министра видно, что наплыв русских в Гельсингфорс, вызвавший целый ряд кризисов, составляет, при том условии, что они за последний период приёма беженцев поголовно селились в это городе, (за вычетом 1200 живших в Нюландской губ[ернии] по разрешениям с весны) 1574 человека на 200000 городского населения.

После ответа премьер-министра последовали прения, в которых указывалось, между прочим, что прибытие русских вредно отразилось на деле помощи Финляндии со стороны союзников. Глава правительства в своём ответе указал, что, наоборот, союзники, допуская в Финляндию продовольствие, имели ввиду и здешнее русское население. Не объясняет ли это до некоторой степени причину финского «великодушия и гостеприимства»?!

Сейм после этого перешёл к очередным делам, а губернская администрация продолжала сортировать эмигрантский товар, рассылая его по разным направлениям. Просрочивавших назначенный выезд водворяли в губернскую тюрьму, а оттуда отправляли этапным порядком «по назначению». Такова история мытарств и условий жизни русских беженцев в Финляндии!

Что же делало само русское население в том направлении, чтобы защитить свои скромные права и интересы? Прежде всего то, что всякий, кто мог, имея ли на то нравственное право, или не имея, старался перекраситься во всевозможные национальные цвета, раз это могло дать ему, если не уважение, то по крайней мере спокойную жизнь. Были даже случаи перехода в финляндское подданство лиц, которые сделали это по соображениям удобств. Впоследствии, не оправдавшиеся расчёты заставили очень раскаиваться новообращённых в поспешности и необдуманности их шага, и страстные взоры их снова устремились в сторону России.

Конечно, о какой ни будь удачной борьбе в обстоятельствах безвластия и бесправия, в котором оказалось русское население не могло быть и речи. Первым был К. Е. Кованько, один из уважаемых и достойных русских людей, который в отношении защиты интересов русского населения пытался сделать многое, но тоже безрезультатно. Тяжёлый путь унижений и нравственных страданий, причинённых ему великодушными финнами, как известно, привёл его к ранней могиле.

Спустя некоторое время, русское население в Финляндии было взято под опеку норвежским министром, но это время длилось не долго, т[ак] к[ак] перерыв дипломатических сношений между Норвегией и Совдепией положил конец и этому покровительству. Впоследствии на политической арене появились, так называемые, «выборные представители» от русского населения, - учреждение весьма туманное, своими неопределёнными функциями мало облегчавшее положение широких кругов бесправного русского населения. Также незаметно для всех оно сошло со сцены, как и появилось.

В самое последнее время учредился «Особый комитет по делам русских в Финляндии», на который затравленное русское население возлагает большие надежды в смысле защиты его интересов, но этот комитет, по крайней мере ещё при мне, ограничился лишь деятельностью дипломатического характера, как то: приветствовал главу государства генерала Маннергейма и Государственный Совет и благодарил их за гостеприимство и приют, данный русским беженцам. Быть может осторожными дипломатическими шагами ему и удастся дойти до прочного положения в стране, а затем взять и под защиту русское население, пока же он является молчаливым свидетелем гонений на русских, наверно, одинаково дрожа и за своё существование.

Что касается военных организаций, то дело это идёт из рук вон плохо. Да и винить в этом, собственно говоря, никого ни приходится. Для создания чего-либо серьёзного в этом направлении нужны подходящие условия и, главным образом, средства. Как то, так и другое в Финляндии отсутствует.

С июля месяца русскому офицерству представлялась возможность ехать тайным образом, при содействии английского консула в Гельсингфорсе, на Мурман. Ввиду конспиративного характера этих отправок, далеко не все офицеры знали об этом выходе. Я, например, узнал [об] это[м] в конце августа совершенно случайно и под большим секретом. Получив довольно неполные указания от английского консула, за отсутствием у него точных сведений, о тамошней политической обстановке и заручившись английскими и норвежскими визами, я совместно с другими офицерами в течении 11/2 месяцев принуждён был выжидать шведской визы. К моему счастью я за это время успел заболеть и свою поездку отложил, другая же часть застряла в Швеции, надо полагать, не из-за соблазна хорошего житья.

Всё это является доказательством того, что правильной организации, обеспечивавшей русским офицерам беспрепятственный проезд на Мурман, а там службу в интересах русского дела не было; ехали, так сказать, наобум, на авось, толкаемые не сознанием и убеждением исполненного долга, а в том предположении, что там, во-первых, можно служить России, а во-вторых, не подвергаться нужде и унижениям, как это было очевидно здесь в Финляндии. Лица, имевшие семьи, хотя и жили в страшной нужде, но при таких обстоятельствах не решались на этот шаг и, таким образом, ждали более определённого будущего.

Со временем наступил период формирования, так называемой, «Северной армии» в Пскове. Чувство неприязни и недоверия к немцам, которые главным образом и создавали её, удерживало многих офицеров от поездки в эту армию, но некоторые из них, прижатые нуждой до крайности, всё же вынуждены были [пойти] на этот мало привлекавший их шаг.

Приблизительно при таких же обстоятельствах ещё ранее отправились среди прочих беженцев несколько офицеров (украинцев и чисто русских) на Украину. К этому их прельстила возможность проехать туда с семьями; с другой же стороны надежда устроиться в украинских войсках при их, как тогда говорилось, чисто русской ориентации окончательно убеждало их в целесообразности этого шага.

Таким образом, число оставшихся в Финляндии офицеров, морских и сухопутных и военных чиновников, увеличенное в последние два месяца перебежчиками их Петрограда и Кронштадта доходит в данное время человек до 1500.

В состоянии такого постоянного ожидания дожили они и до последних событий в Эстляндии. Надо заметить, что за последнее время среди бывших военных русских обнаружилась своего рода «организаторская болезнь». В чаянии какой либо деятельности и под влиянием военных событий некоторые офицеры, среди них лица довольно высоких рангов, решили, что нужно начать «организовываться». Через одного, другого, третьего по Гельсингфорсу стали разноситься слухи, что идут какие-то записи офицеров, и русские люди по свойственной им склонности иногда обойти вниманием события большой важности, а иногда отнестись наивно - доверчиво к пустякам, на этот раз необычайно засуетились и стали записываться в каких-то неясных для них организациях. Это необычайное оживление, в которое пришло офицерство, имело свою чисто психологическую причину, а именно: по профессии они были воины совсем

недалеко от них шла борьба на жизнь и смерть с их заклятыми врагами – большевиками, и сознание бездеятельности, подзадориваемое газетной травлей, сильно угнетало их умы, – потому то они с такой готовностью и отозвались на давно ожидаемую возможность проявить деятельность, раз подходящий для этого момент наступил, как в этом уверяли появившиеся руководители.

Не буду много распространяться на эту тему, т[ак] к[ак] все эти горе - организаторы, не имея в своём распоряжении никаких реальных данных, дальше болтовни не пошли: то они вели переговоры с эстонским правительством о формировании русских отрядов, то на ту же тему говорили с финским правительством, о положении русских в Эстляндии у них якобы были самые утешительные сведения, и только лишь разработка деталей, каких-то договоров задерживало начало формирований и отправку русских офицеров в Эстляндию. Многие из офицеров под влиянием этих бесконечных разговоров и нетерпения записались, тем временем, в отдельные добровольческие отряды. Каких-то неизвестных лиц, приславших из Эстляндии своих представителей для вербовки русских офицеров, а проехать в Эстляндию, не взирая «на предупредительность и готовность» со стороны эстонского правительства, как опять не говорили «организаторы», было не так просто, т[ак] к[ак] эстонский консул сначала собирал сведения об этом лице, затем запрашивал своё правительство о желательности въезда его в эту благословенную страну, и только уже после всего этого давал тот или другой ответ. Одним словом, человеку, предлагавшему в жертву свою жизнь, этим разрешением якобы делали одолжение.

Мало по малу всем стало ясно, что дело обстоит вовсе не так просто, как это представлялось нашим увлекавшимся «организаторам», да и они что-то медлили переходить от слов к делу, и у, воодушевившихся было русских офицеров первоначальный пыл стал остывать.

Попутно с этим из Эстляндии, по мере развивавшихся там успехов в борьбе с большевиками, стали проникать слухи о недоверчивом отношении эстонцев к русским, об их расчётах справиться с большевиками только с помощью соседей финнов, о том, что эстонцы, якобы умышленно, не пускают в бой организованные в Эстляндии из тамошних русских жителей и офицеров отряды и пр[очее] и пр[очее] и в душу многих стало вкрадываться сомнение в том, что общее ли патриотическое чувство и стремление, так сказать, спасти Родину объединяет эстонцев с рус-

скими, или, быть может, этот вопрос под влиянием последних событий скользнул у эстонцев в другую плоскость?

Таким образом, если у русских офицеров в Финляндии оставалась ещё надежда на выяснение будущего, то она была связана только с именем Юденича, которого и на шумевшие «организаторы» поджидали с нетерпением²⁵. Наконец после томительных дней ожидания наступил день его прибытия, ожившиеся «организаторы» снова возобновили свои совещания, без умолку болтали, обещая дать самые определённые указания, а время шло и никаких шагов в этом направлении не предпринималось. Всем, конечно, стало ясно, что генерал Юденич, в отличие от безответственных и словоохотливых «деятелей», не имея под собой твёрдой почвы и не брался за такое важное дело без уверенности или даже достаточных надежд на успешность этих широких замыслов. И почтенный генерал молчал, или по крайней мере не смущал общественные умы, а офицерство, предоставленное личному почину в смысле тех или других решений, при одной мысли о будущем отношений эстляндцев и финнов к России, а также к себе, не могло найти в себе того психологического стимула, который заставил бы его без мучительных сомнений, так сказать, смело и бодро нести жертву на столь сомнительный алтарь Отечества, каким являл себя в то время эстонский фронт. Повторяю ещё раз, что слишком живо ещё реял в воспоминаниях пример Финляндии. Вот в таком положении в день моего отъезда (в конце января) обстоял вопрос о русских военных организациях в Финляндии.

Всё же ещё среди чающих русских людей как-то неуверенно держалось мнение, что возможно в скором времени в связи с какими-то таинственными переговорами с русскими капиталистами и с финским и с эстонским правительством удастся добиться средств и возможности начать военные формирования, но я, знакомый со всей тамошней обстановкой, уехал оттуда в твёрдой и несокрушимой уверенности, что при той атмосфере ненависти, недоброжелательства и недоверия ко всему русскому, которая царит сейчас в Финляндии и готова распространиться в Эстляндии, никакие шаги и результаты в этом направлении недостижимы, раз русские в своих стремлениях будут выставлять лозунги чисто национального, патриотического характера. И только лишь унижающее наше национальное наше достоинство компромиссы в этой области могут дать возможность тамошним русским деятелям остановиться на создании каких-либо кривобоких организаций, раз это вопрос, во что бы то ни стало, требует какого-нибудь разрешения.

Лично со своей стороны могу добавить лишь одно, что велика инертность и апатия русских людей, но если в Финляндии не удастся добиться чего-либо определённого в этом отношении, то только потому, что после совдепской России эта самая неподходящая почва для такой деятельности, т[ак] к[ак] Финляндия есть страна недругов России, и мне, осведомлённому в настроениях финского общества ясно, что если 50% его приходится вместе, и на друзей, и на недоброжелателей России, то остальные 50% являются её убеждёнными врагами; эти 50% определённо не желают способствовать восстановлению России, одни бессознательно, так сказать, из-за слепого чувства ненависти к ней, а другие ещё и потому, что страшатся за участь «самостоятельной и свободной Финляндии» перед возрождённой Россией, как ни об этом и пишут, и говорят.

Что касается моих личных переживаний, то я должен сказать, что воспоминания 9-ти месячного гостеприимства, которым я пользовался в этой стране тяжёлым камнем лежит на моей совести, как и наверно на совести каждого уважающего себя русского эмигранта, не имевшего возможности в силу материальных стеснений отказаться от этой оскорбительной для русского чувства финской «жертвы».

Вкус разделённого «последнего куса хлеба» и угнетающее чувство сознания долга благодарности за «гостеприимство» будит в моей душе много разнообразных чувств обиды, боли и досады за невольные одолжения и перенесённое унижение в качестве беженца и гостя у великодушного финского народа.

Заканчивая своё писание, вышедшее, паче моего ожидания, довольно пространном, я бы хотел обратить Ваше почтенное внимание на то, что отнюдь не какие-либо соображения личного характера заставили меня в моём письме обрушиться на финнов. Я всегда считался среди русских заядлым финноманом и, собственно, не скрывал своих искренних симпатий к Финляндии, но после того, как я был личным свидетелем финского несправедливого, а подчас и возмутительного отношения к моим бесприютным и обездоленным соотечественникам, среди которых большинство были вполне искренние доброжелатели и друзья финнов, мои добрые к ним чувства невольно сменились чувством справедливого негодования.

Конечно, я и раньше не был ослеплён несвойственной финнам чертой великодушия их характера, но теперь на почве национальной вражды и под влиянием изменившейся обстановки. Вообще, надо заметить, что это мнение о финнах разделяется не только русскими, склонными, пожалуй, разбираться в этом вопросе, под влиянием понятного раздражения про-

тив финнов, несколько пристрастно, но в этом мне вполне откровенно признались даже некоторые финны, не говоря уже о шведах. «Vi finnar äro inga gentleman» (дословно: мы финны никакие джентельмены), сказал мне как то в порыве откровенности один финн. Да и откуда бы взяться этому непонятному для них качеству.

Иронический смысл моих слов о наших «деятелях» в Финляндии нужно понимать не как отрицательное отношение к идее русских формирований, а как результат того естественного раздражения против их («деятелей») несерьёзности бестолковости и чрезмерной болтливости, которыми они приводят своих и без того уже растерянных и сбитых с толку соотечественников в угнетённое состояние, а порой и в отчаянное положение, вызывая среди них тяжёлые и бессмысленные жертвы, не имеющие прямого отношения к национальной идее возрождения нашего отечества.

Не претендуя на какую-либо исключительную авторитетность моего письма, смею однако Вас уверить в том, что я в своём изложении отнюдь не представляю Вам положение в тенденциозном освещении и не в агитационных целях, дабы повредить как-нибудь финнам (как это обычно толкуется ими), а обрисовал Вам его с той беспристрастной точки зрения, как всё это представлялось лично мне и тому большинству русских людей, которые, в силу своей уравновешенности, не склонны на какие-либо преувеличения даже и в этой легко разжигающей страсти области. Фактические сведения приведены мною после более или менее солидной проверки их.

Прошу принять мои искренние уверения в совершенном к Вам почтении и уважении.

Г. фон Дихт

Стокгольм. 15 февраля 1919 года.

¹Дихт Г. Е. (1888 - ?) старший лейтенант, окончил Морской корпус (1909). 1918-февраль 1919 гг. находился в Финляндии, затем переехал на Дальний Восток, командовал миноносцем. В эмиграции.

²Сташевский В. А. (1879 – 1955) капитан 1-го ранга. Военно-морской агент в Швеции и Норвегии. Уволен в отставку советским правительством 12.02.1918. Продолжал работать в пользу белых правительств. В эмиграции.

³Пилкин В. К., адмирал. В Белой борьбе на Северо – Западе: Дневник 1918 – 1920. М., 2005. С. 411 – 413.

⁴Имеется ввиду В. А. Сашевский.

⁵Революция и Гражданская война в Финляндии произошла в январе – апреле 1918 г. Советская Россия оказала помощь красным финнам вооружением и снаряжением. Белым финнам для подавления революции Германия прислала 12-ю пехотную дивизию генерала фон дер Гольца Р., вооружение и снаряжение. Немецкая поддержка сыграла решающую роль в победе буржуазии.

⁶В данном случае речь идёт об убийстве офицеров в Гельсингфорсе 3 – 4 марта 1917 г. и в Выборге в августе 1917 г. во время Корниловского мятежа.

⁷Маннергейм К .Г. (1867 – 1951) финляндский государственный и военный деятель. Главнокомандующий финской армией при подавлении революции в Финляндии. В декабре 1918 – июле 1919 г. регент Финляндской республики.

⁸Так, полковник М. А. Свечин являлся главным военным специалистом в финской Красной Гвардии, с марта 1918 г. помощник главкома революционных войск Финляндии.

⁹В результате секретного сотрудничества между германским военным командованием и финляндскими сепаратистами на территории Германии в феврале 1915 г. началось формирование Королевского Прусского егерского батальона. В 1916 г. его численность составила 1890 человек.

¹⁰28 января 1918 г. отряды финляндской Красной гвардии заняли центральные учреждения Гельсингфорса. В этот же день было сформировано революционное правительство - Совет народных уполномоченных. Однако четырёх сенаторам удалось бежать в город Ваза, на северо-западе Финляндии. Там и было образовано правительство белой Финляндии.

¹¹В результате белого террора было казнено 8000 человек и до 90 тысяч отправлено в тюрьмы и концлагеря.

¹²После взятия Таммерфорса белые казнили 200 русских, включая офицеров, и в Выборге 600 как военных, так и гражданских лиц.

¹³Зеленой А. П. (1872 – 1922), контр-адмирал. С 8 апреля 1918 г. старший морской начальник в Гельсингфорсе, Котке и Або. С 10 сентября 1918 г. старший морской начальник в Кронштадте.

¹⁴Столыпин П. А. (1862 – 1911), председатель Совета министров в 1906 – 1911 гг. В 1908 и в 1910 гг. правительство приняло законы, по которым в ведении Сейма и Сената оставались дела чисто местного значения. В тоже время вопросы, связанные с государственным устройством Финляндии, охраной порядка, судом, школьным делом, законодательством о печати и партиях решались в Петербурге.

¹⁵Бобриков Н. И. (1819 – 1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. С 1898 по 1904 гг. генерал-губернатор Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа. Проводил политику русификации в княжестве. В 1904 г. был смертельно ранен сыном бывшего сенатора Е. Шуманом.

¹⁶Зейн Ф.А. (1862 - 1918) , финляндский генерал-губернатор 1909 – 1917 гг. При нём продолжалась политика по ущемлению национальных прав финнов.

¹⁷Яландер Б., губернатор Нюландской губернии

¹⁸16 апреля Б. Яландер подписал приказ о выезде русских граждан, находившихся в Гельсингфорсе до 20 апреля, из пределов Финляндии.

¹⁹Щастный А. М. (1881 – 1918), капитан 1-го ранга. Руководил «Ледовым походом» кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Расстрелян по приговору военного трибунала.

²⁰Кованько К. Е. (1873 - 21.10.1918), полковник. Уполномоченный НКВД по защите русских и русского имущества в Финляндии.

²¹Арабажин К. И. (1866 – 1929) – историк литературы, критик ,общественный деятель. С 1913 г. профессор русского языка и литературы Гельсингфорского университета. В ноябре 1917 г. переехал на постоянное жительство в Гельсингфорс. По его инициативе в 1918 г. было создано общество «Русская колония в Финляндии» для защиты интересов финских граждан русского происхождения и беженцев из Советской России. Являлся председателем Совета общества до октября 1918 г. Издавал и редактировал гельсингфорские газеты: «Голос русской колонии» (1918), «Русский голос» (1918), «Русский листок» (1918 – 1919) и др. В результате того, что с 1-го марта 1919 г. правительство Финляндии решило упразднить все русские кафедры в Гельсингфорском университете, Арабажин лишился работы. С лета 1920 г. он жил и работал в Риге.

²²После начала Красного террора 5 сентября 1918г. поток русских беженцев в Финляндию значительно возрос.

²³Алкио – лидер партии аграриев. В апреле 1919 г. министр в правительстве К. Кастрена, сторонник присоединения Карелии к Финляндии.

²⁴Л. Ингман, премьер – министр правительства Финляндии с декабря 1918 г. по апрель 1919 г.

²⁵Юденич Н. Н. (1862 – 1933), генерал от инфантерии. Прибыл в Финляндию во второй половине ноября 1918 г.